

С. САХАРНОВ

БЕЗНОГИЕ

ГОЛОВОНОГИЕ

The background of the cover is a textured, olive-green wash. On the left, a dark, gnarled branch or piece of driftwood extends vertically. A large, light-green octopus with white suction cups is the central figure, its body and tentacles spread out. To its right, a cluster of small, yellow and black striped fish swims. At the bottom, a long, slender squid is depicted horizontally. The text is overlaid on the right side of the cover.

С. САХАРНОВ

**БЕЗНОГИЕ
ГОЛОВОНОГИЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА

1968

НОГИ НА ГОЛОВЕ

Однажды меня вызвали в издательство, где делают книги о животных, и сказали:

— Собирайтесь на Дальний Восток. Нам нужны фотографии головоногих.

— Каких головоногих? — удивился я.

— Обыкновенных: осьминогов, каракатиц, кальмаров. Книга про них готова, а фотографий нет.

Я вспомнил: головоногие — это морские животные, у которых ноги-щупальца растут на голове.

— Ой, как далеко! — сказал я. — Нельзя ли поближе? У меня скоро отпуск. Я щук собрался ловить. Вдруг лето пропадёт!

— Не пропадёт, — ответили мне. — Поймаете ещё своих щук. Собирайтесь и поезжайте.

И я поехал.

ОСТРОВ В МОРЕ

Через неделю я был уже на Дальнем Востоке, в Японском море, на острове.

Остров был зелёный-зелёный, только над ним всё время висели облака. С моря на остров наползали туманы. Они катились по земле и оставляли на траве, на камнях, на листьях серые капельки воды.

На острове жили рыбаки. Каждое утро рыбаки уходили в море, а вечером их жёны и дети собирались на причалы встречать суда.

На каждом причале стоял длинный дощатый лоток. В лотки насосы качали воду. Рыбачьи судёнышки-сейнера подходили к причалам, рыбаки сваливали рыбу в эти лотки, и она текла вместе с водой прямо в цех, на рыбный завод.

ЧАН И ВЁДРА

Я как приехал, так сразу же пошёл на завод узнавать, как тут можно снять головоногих.

— Ну, это просто,— сказали мне на заводе.— Все рыбки подчиняются начальнику лова. Он пошлёт вас на сейнер. Будете ходить в море, опускаться на дно в водолазном костюме. Там и осьминоги, и каракатицы, и кальмары — только снимай.

— А где начальник?

— Только что был. Мотается взад-вперёд. А вот и он сам!

За стеной цеха, где мы стояли, что-то затарахтело, и прямо к двери подъехал на мотороллере человек в клетчатом свитере.

«Сразу видно — начальник! — подумал я.— Все по заводу пешком ходят, а этот — на мотороллере!»

И я рассказал ему, зачем прибыл на остров.

— Всё ясно,— сказал начальник.— Идите на сейнер, я прикажу дать вам водолазный костюм. Вы под воду спускались?

— Несколько раз. Но, видите ли... Дело в том, что я топлюсь. У меня отпуск. Мне бы как поскорее.

— Ах, вот оно что! — сказал начальник.— Тогда снимайте в чане.

Он отвернулся от меня, пнул ногой свой мотороллер. Трах-трах! — мотор завёлся, и начальник умчался.

Тогда рабочие повели меня на берег моря к цементным чанам. В этих чанах солили рыбу. Несколько чанов стояли пустые и заброшенные.

— Этот подойдёт?

Я наклонился над чаном. В нём давно ничего не солили. На дне его лежали битые

кирпичи, смятый голубой таз и чёрная эмалированная дощечка с надписью «Вход воспрещён».

«Видно, где-то разрешили вход!» — подумал я, а вслух сказал:

— Подойдёт!

Рабочие притащили из цеха пожарный шланг и напустили в чан солёной морской воды.

В это время сейнера выгружали улов. Рабочие сбегали на причал и вернулись оттуда с тремя ведрами.

— В этом ведре осьминог, — сказали они. — В этом — каракатицы. Здесь — кальмары.

Ногастый осьминог не помещался в своём ведре. Он был похож на кусок студня и всё время вытекал из ведра.

Кальмары метались и брызгались.

Только каракатицы сидели спокойно.

МАТРОС ПАША

Головоногих бросили в чан, и они там разбежались.

Осьминог тотчас же забился в угол. Он сидел красный, злой, тяжело дыша. Из-под щупалец у него торчала какая-то трубка. Она то и дело раздувалась и сжималась. На поверхности воды над осьминогом вздувался и опал маленький бурун.

Коричневые кальмары носились от одной стенки к другой. Они то плавали, как рыбы, шевеля хвостом, то мчались задом наперёд, выталкивая из себя, как ракеты, струи воды.

Зелёные каракатицы копошились на дне.

— Смотрите, сейчас перекрашиваться будут,— сказал кто-то.

И верно: две каракатицы забрались на осколки кирпичей и сразу стали кирпичного цвета. Щупальца поджали — не отличишь от камней.

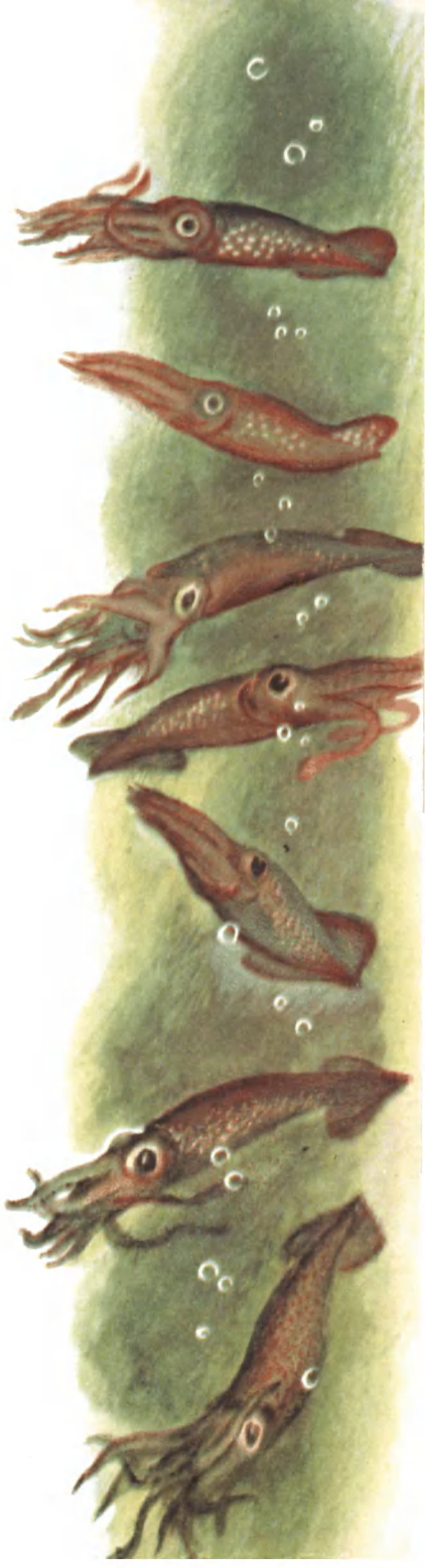
Третья каракатица залезла на досочку «Вход воспрещён», стала чёрной и покрылась пятнами, похожими на бледные буковки.

Смеркалось.

— Ну, теперь всё в порядке! — сказал я. — Большое спасибо вам, выручили. Завтра же я их чик-чик и сниму. Только надо кого-то попросить, чтобы ночью присмотрел за чаном.

— А тут на причале всегда матрос. Он и присмотрит.

— Давайте матроса.

— Тётя Паша!

«При чём тут тётя Паша?» — подумал я.

К чану подошла женщина с красной повязкой на рукаве.

— Тётя Паша, — сказали ей, — тут у приезжего товарища в чан животные посажены. Ты присмотри за ними.

— Есть присмотреть! — ответила матрос тётя Паша. — Куда они денутся? Чай, не летают. И безногие.

— Не летают! — сказал я. — И безногие. Но вы всё-таки присмотрите.

И пошёл спать.

ГДЕ КАЛЬМАРЫ?

Рано утром я прибежал к чану.

— Привет! — сказал я тётё Паше. — Как ночь прошла?

— Да так и прошла. Никто к чану не подходил, — ответила тётя Паша. — Привет!

«Вот и хорошо! — подумал я. — Сейчас всё снимем!»

Наклонился над чаном, стал считать своё хозяйство. Осьминог на месте, каракатицы на месте, кальмары... Кальмаров нет.

— Постойте, а где же кальмары?

— Там.

— Нету.

Осмотрели мы с тётей Пашей весь чан. Нет кальмаров.

— Н-да! — сказал я. — Тайнственное исчезновение. Куда они могли деться? Не по воздуху же улетели!..

В это время мимо про-
езжал начальник лова.
Я хотел было спросить
его, куда могли деться
кальмары, но мотороллер
обдал меня синей струёй
дыма, и начальник —
трах-тах-тах! — промчал-
ся мимо.

— Всё ему некогда, —
сказала тётя Паша. —
И носится, и носится...
Я уже целый месяц не мо-
гу с ним поговорить. Ста-
ра стала, мне бы с прича-
ла перевестись в какое-
нибудь тёплое место: на
склад или ещё куда...
А вы что, уже снимаете?

— Ага, снимаю. Ка-
ракатиц.

— Да их и не видеть.
Глядите-ка, мусору
сколько на дне.

— Ничего, — ответил
я. — А впрочем, можно и
почистить.

ГДЕ КАРАКАТИЦЫ?

Я сбегал в цех, достал резиновые сапоги, натянул их и залез в чан.

Стою по колено в воде, достаю кирпичи. Сначала я их по одному выбрасывал, потом стал в таз собирать. Наберу полный — передам тётке Паше, та его к морю — и высыплет. Убрали мы с ней кирпичи, выбросили «Вход воспрещён», выбросили таз. Стало дно чистое.

— А где же каракатицы? — вдруг спрашивает тётя Паша.

Посмотрел я — в чане один осьминог.

Видно, с кирпичами мы и каракатиц выбросили. Вот что значит уметь камнями прикидываться! И когда это они успели в таз залезть?

Хорошо, что я их уже снял.

Теперь — осьминога.

Взвёл я у аппарата затвор, подошёл к самому краю чана.

Осьминог внизу закопошился — и в сторону.

Я к нему — он от меня. Как серое облако, приподнимется и катится прочь.

Разве так снимешь?

Надел я снова сапоги и влез в чан. Загнал осьминога в угол. Навёл на него аппарат. И тут осьминог как вздрогнет! Из трубки его в воду как ударит тёмная струя! Расползлась вокруг осьминога чёрная дымовая завеса. Стал чан похож на громадную чернильницу.

Я махнул рукой и вылез.

Долго сидел возле чана, ждал, когда осядет чернильное облако.

Осело. Вижу — всё дно покрыто чёрными хлопьями. Осьминог в углу сидит усталый, бесцветный. Какие тут съёмки!

Отошёл я от чана, сел на перевёрнутый ящик.

«Вот тебе, думаю, и чик-чик!»

Тут раздался тёти Пашин голос:

— Гражданин, смотрите-ка, удирает!..

Я обернулся. Над чаном торчали два чёрных осьминожьих глаза.

КАК УБЕГАЛ ОСЬМИНОГ

Глаза исчезли, и над стенкой показались кончики щупалец. Щупальца перебрались через край и, как змеи, соскользнули вниз.

Осьминог трогал ими песок.

Песок был колючий, сухой.

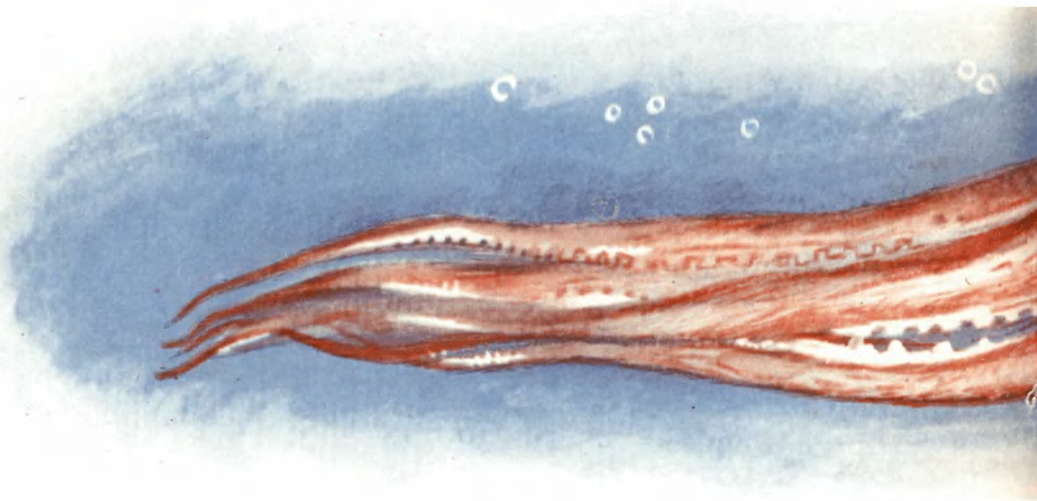
Осьминогу это не понравилось. Он снова приподнялся над чаном, выставил между щупалец трубку и пустил из неё на землю струю воды.

— Мне что, обратно его толкать или как? — спросила тётя Паша.

— Не надо.

Осьминог приподнялся, перевалил через стенку студенистое, вислое, как мешок, тело, опустился на мокрую землю и пополз по ней.

До воды ему было шагов десять. Сначала он полз быстро,

потом всё медленнее. Наверное, песок царапал его мягкое тело. Осьминог побагровел и стал шумно, со свистом дышать.

— Придётся ему помочь! — сказал я.

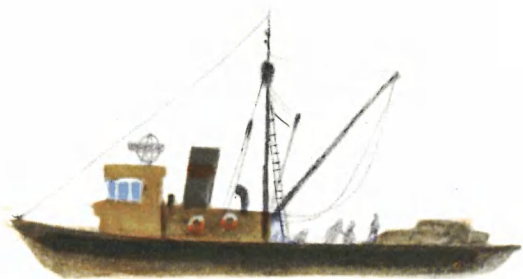
Но осьминог дополз сам. Он выпустил вперёд на разведку одно щупальце. Оно коснулось воды. Тотчас же всё тело животного подтянулось, собралось в тугой шар, снова легко заскользило по песку. В воде осьминог сразу же повернулся, набрал в себя воды и выбросил её сильной струёй на берег. От толчка щупальца его сложились, как прутья зонтика, тело вытянулось, и он поплыл вдоль причала. Он плыл то раздувая, то сжимая тело, потом изогнулся и, взмахнув щупальцами, исчез в глубине.

— Ишь как пошёл! — сказала тётя Паша. — Не захотел сидеть в яме.

Я вздохнул:

— Не захотел. Что теперь делать будем, тётя Паша?

НЕ ТОРОПЯСЬ

В это время к нам подошёл начальник лова. Пешком.

— А где ваш мотороллер?—удивился я.— Испортился?

— Да нет.— Начальник даже смутился.— Я решил так ходить. Понимаете, на машине большая скорость, проскакиваешь людей, не успеваешь даже поговорить с ними. Вот вы, например... Как ваши головоногие?

— Разбежались. Безногие, а удрали. Ничего не вышло.

— Ага!—сказал начальник лова.— Я так и думал. Только не успел вам сказать. Что собираетесь делать?

— Право, не знаю. Может, ещё раз попробовать?

— Бросьте! Видите сейнер? Сегодня он уходит на ночной лов кальмаров. Идёмте с ними. Будете плавать, снимать. Только оденьтесь потеплее — в море холодно.

КУСОЧЕК ЛЕТА

Я стоял на мостике сейнера и смотрел, как рыбаки готовят снасти на кальмаров. Сейнер неторопливо шёл вперёд.

Вдоль бортов висели катушки с ручками. Рыбаки вертели их и наматывали на катушки блестящие капроновые лески. Вместо приманки на лесках висели жёлтые и красные пластмассовые подвески с крючками.

Вдруг у самого борта кто-то выскочил из воды, пронёсся над палубой и шлёпнулся далеко впереди в воду.

— Рыба играет! — сказал я.

— Это не рыба, а кальмар, — поправил меня начальник лова; он стоял рядом. — Кальмары так и на палубу залетают. Бывает, шлёпнется — и пропал, осох!

Я вспомнил, как исчезли из чана кальмары, и засмеялся. Так вот куда они делись: улетели по воздуху!

— Вы что смеётесь? — удивился начальник.

— Да нет, это я так. Понимаете, хотел поскорее сделать снимки и вернуться. Отпуск у меня вот-вот, а я любитель-рыболов. Щук думал половить. Лето под Москвой тёплое. А здесь оно как?

— Кусочками: холодное — тёплое — опять холодное.

В это время облака над морем разошлись, и выглянуло солнце. Вода из серой стала синей. На мостике потеплело.

— Вот и кусочек лета, — сказал начальник. — Успеете вернуться к своим щукам... Вы ночной лов когда-нибудь видели?

— Нет.

— Ахнете.

НОЧНОЙ ЛОВ

Сейнер шёл долго. Я спустился в каюту и уснул.
Ночью меня разбудили.

Вышел я из каюты, поднялся по узенькому железному трапу на палубу и действительно ахнул.

На спокойной ночной воде покачивался целый город. Десятки судов стояли на месте, и у всех между мачтами горели голубым огнём цепочки электрических ламп.

У бортов теснились рыбаки. Они вертели ручки катушек, капроновые лески убегали вниз на глубину и возвращались, таща на крючках пляшущих, щёлкающих хвостами кальмаров.

— Осторожнее, берегите глаза! — крикнул мне начальник лова.

Он тоже стоял около катушки. На жестяном лотке перед ним билось сразу три или четыре животных. Они плевались — выпускали из себя струи воды и тёмной чернильной жидкости.

«Это от неё надо беречь глаза», — понял я.

Я поднял фотоаппарат, включил лампу-вспышку и начал фотографировать.

При ярком голубом свете и люди, и кальмары, и само судно казались ненастоящими, выдуманскими. Лица у рыбаков были зелёные, куртки — лиловые, кальмары на палубе — чёрные.

— Что стоишь? — крикнул мне кто-то. — Вон свободная!

Я подошёл к свободной катушке, повернул её ручку, и из воды, трепеща и брызгаясь, показался кальмар.

«Зачем это я? Мне ведь нужны живые, непойманные!»

Я свесился с аппаратом через борт.

Там из чёрной глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Они плыли, как рыбы, держа строй, вытянув вперёд щупальца, тараща чёрные пуговичные глаза.

Они, наверное, не видели сейчас ничего, кроме голубого света наверху и пёстрых блестящих подвесок.

Вытянув щупальца, кальмары плыли прямо на них.

ЗА ОСЬМИНОГОМ

— Ну вот, а теперь пойдите в море с водолазами. Попросите их достать вам осьминога, а потом снимите его под водой,—сказал мне через несколько дней начальник лова.

И я пошёл на водолазном катере с добытчиками раковин-мидий.

Шкипер — старшина катера — объяснил водолазу:

— Мидии мидиями, а если увидишь осьминога, тоже бери. Товарищу из города нужно. Понял?

— Понял.

Мы стояли на якоре около небольшого островка.

На водолаза надели костюм. Он взял в руки верёвочный мешок — питомзу — и шагнул за борт на ступеньки железной лесенки.

Запустили мотор—качать водолазу воздух. На плечи водолазу поставили медную голову-шлем. Привинтили. Шлёпнули по макушке. Пошёл!

Водолаз отпустил ру-

ки, повалился в воду. В том месте, где он исчез, всплыло целое облако белых пузырей.

Мне дали телефонную трубку — говорить с водолазом.

В трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем воздух: пух! пух! Слышно, как кряхтит, наклоняясь за мидиями, водолаз.

Белая дорожка пузырей тянулась от катера к берегу. Она тянулась за водолазом как хвост.

Водолаз шёл по дну и тащил за собой тяжёлый резиновый шланг — телефонный провод.

— Подбери! — скомандовал водолаз.

Белая дорожка пузырей уже повернула от берега назад.

Мы со шкипером подобрали — вытащили на катер лишние метры шланга.

— Ушёл! — слышалось наконец в трубку.

— Кто ушёл?

Водолаз не ответил.

Он вернулся к катеру, и ему бросили на дно верёвку с крючком. За верёвку вытащили питомзу, полную чёрных раковин-мидий.

Они были похожи на огромные семечки.

— Почистят, сварят, будут консервы! — сказал шкипер.

Водолаз теперь ходил около самого катера. Пуф! пуф! — шумело в телефонной трубке.

Вдруг в трубке защёлкало, забормотало. Вода за кормой катера закипела, и в облаке пузырей показалась зелёная рубаха водолаза.

На ней шевелилось что-то красное, ногастое.

— Осьминог! — закричал я.

Из каюты выскочили моторист и матрос. Вместе со шкипером они подтащили водолаза к борту.

— Раз! Два! — Мы перевалили водолаза вместе с добычей через борт.

Здесь осьминог отпустил человека, со свистом засосал в себя воздух, зашипел, начал горбиться, расти вверх. Щупальца с белыми присосками укорачивались, поджимались под него.

В полуприкрытых белыми шторками глазах чернел испуг. Морщинки сбегались вокруг глаз.

Я поднял аппарат и сделал снимок, второй.

Теперь самое главное — снять его под водой.

Водолаз разделся, и его медноголовый костюм надели на меня.

Для подводных съёмок у меня был аппарат в водонепроницаемом чехле. Я взял его, и меня опустили за борт.

Надо мной засветилось серебристое небо — поверхность

воды. Внизу, под ногами, зачернела, заиграла пятнами земля — морское дно.

Я повис между небом и землёй.

Над головой парил, как дирижабль, катер. Качалась спущенная в воду лесенка.

— Готовы? — спросил по телефону шкипер.

— Готов.

На ступеньках лесенки показались чьи-то резиновые сапоги. Потом в облаке пузырей появилось тело осьминога. Оно плавало надо мной, как большой розовый зонт.

Я начал снимать его.

Поняв, что он на свободе, осьминог сложил щупальца и поплыл вниз, раздувая и сокращая тело.

Когда он проплыл мимо меня, я опять увидел его глаза. Они были печальные и усталые. Вокруг глаз белели морщинки.

Осьминог сделал круг подо мной и сел, как на парашюте, на дно.

Невдалеке от него белела грудa камней. Клубясь и раздуваясь, осьминог двинулся к камням. Он успокаивался и был уже не розовый, а серовато-зелёный. Дойдя до камней, он выбрал щель поуже и начал забираться в неё. Щель была маленькая, а осьминог большой. Он плющился, тянулся, как резина, вползал.

Через минуту его уже не было видно. Потом из расселины снова показалось щупальце. Оно на ощупь выбрало плоский голыш, подняло его и скрылось, заложив камнем вход.

Дверь заперта. Теперь можно отдыхать. Можно приходить в себя. Наверное, это очень страшно — встретиться с человеком и быть вынутым из воды!

Я сказал: «Всё!» — и меня начали поднимать.

Всё. С головоногими всё.

В МОСКВЕ

Когда я пришёл в издательство, там долго рассматривали мои снимки.

— Так. Осьминог... Кальмары... Отлично! А где каракатицы?

— Вот тут.

— Простите, здесь одни кирпичи.

— Тогда вот тут.

— А здесь какая-то дощечка: «Вход воспрещён». Зачем вы её сняли?

— Понимаете, тут и каракатицы есть. Только их плохо видно — они замаскировались. Вы присмотритесь.

— Где?.. Вот это?.. А-а! Смотри какие хитрые! Отличная фотография. Мы так её и назовём: «Где каракатицы?» Ну, как лето на Дальнем Востоке?

— Кусочками.

— Вы теперь в отпуск? Ловить щук?

— В отпуск. Только ловить щук расхотелось. Вы знаете, что такое ночной лов кальмаров?

И я рассказал им о том, как качается на воде целый голубой город и как всплывают к нему из глубины стаи головоногих.

— Они плывут и шевелят щупальцами...— рассказывал я.

на 19 коп.

Рисунки Н. Устинова

Для дошкольного возраста

Сахарнов Святослав Владимирович

БЕЗНОГИЕ ГОЛОВОНОГИЕ

Ответственный редактор К. Д. Арон. Художественный редактор А. В. Пащина. Технический редактор И. П. Данилова. Корректор З. С. Ульянова.
Подписано к печати 15/II 1968 г. Формат 70х90/16.
Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. (Уч.-изд. л. 2,5). Тираж 450 000 (1—250 000) экз. ТП 1968 № 83. Бум. № 1.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 1415.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“